

В 1972 году она стала работать переводчиком в лаборатории социологии при кафедре научного коммунизма, а потом перешла на кафедру этики, эстетики и научного атеизма, позднее переименованную в кафедру культурологии, где читала курс лекций по этике и по истории культуры.

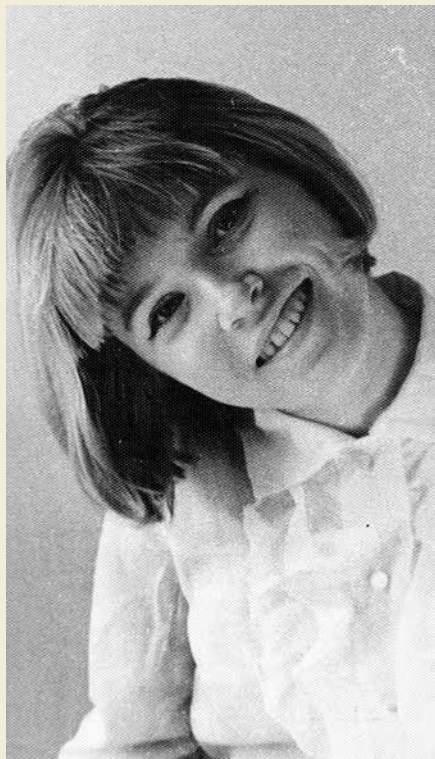
Лабораторию социологии в те годы возглавлял великий Файнбург, который всегда был свободен внутренне. Он интересовался новыми книгами и хотел, чтобы их читал не только он, но и другие. Поэтому работа Инны Роговой заключалась в том, что она ездила в Москву, в Ленинскую библиотеку, там находила новые интересные книги, которые могли бы быть интересны. С них делали фотокопии, которые распечатывали на ротапинтере. Рогова их переводила, и тиражом пять экземпляров книги выходили. Один разрешалось брать себе, другой брал Файнбург, а три книги из тиража клали в сейф, и оттуда их могли взять все желающие из числа тех, что пишут диссертации и научные работы.

«Теперь я понимаю, что мои переводы были беспомощными, потому что у меня не было опыта жизни в другой стране, — говорит Инна. — Например, супермаркет я переводила как «центральный базар». У меня была мечта попасть в страну, где говорят по-английски, и проверить: а пойму ли я их? Спустя годы, когда мы в первый раз приехали в США, у меня были очень острые ощущения, потому что началась паника: я понимала с пятого на десятое! Но спустя несколько дней я начала их понимать!»

В начале 1990-х жизнь изменилась сокрушительно. Произошёл истинный «шок от столкновения с будущим» — так, кстати, называлась одна из книг Элвина Тоффлера, которую Инна Рогова переводила для кафедры.

К этому времени Рогова уже была частым гостем в мастерских на улице Кисловодской. Тогда там была активная творческая жизнь, бедная, но весёлая. Две комнаты специально держали свободными для выставочного зала. Там читали лекции, приглашали натурщиков, пели под гитару и разговаривали обо всём на свете.

«Сначала меня привлекли работы Натальи Корчёмкиной. Меня потрясло, как легко она их дарила, — делится ощущениеми

«ОДНАЖДЫ ОНА МНЕ
СКАЗАЛА: НУ, ЧТО
СИДИШЬ ПРОСТО ТАК —
БЕРИ ГЛИНУ, ЛЕПИ.
И Я ПОПРОБОВАЛА»

ниями Рогова. — Мне казалось, я бы никогда не смогла расстаться с такой красотой! А однажды она мне сказала: ну, что сидишь просто так — бери глину, лепи. И я попробовала».

И у неё получилось. Так началась другая жизнь. В 40 лет она действительно только начинается.

Вылезти из подвала

Инна Рогова и Наталья Корчёмкина стали работать в одной мастерской, но отдельно. При этом одна усиливала другую: это тот случай, когда две единицы, встав рядом, образуют число 11. Наталья в этом дуэте отвечает, условно говоря, за нишу «художественный уровень», а Инна — за «философию» и «мировые тенденции». «Это было самое бедное десятилетие в моей жизни, — вспоминает Инна Рогова о 1990-х. — Денег не было даже на трамвай. Приходилось ходить пешком. Мы делали тогда очень много небольших сувениров и сдавали в салон «Ларец», который находился в том же доме, что и Центральный выставочный зал. Хорошо шли подвески. До сих пор помню, что одна штука стоила 15 тысяч неденоминированных рублей. А сколько мы тогда котиков сделали! Очень редко были какие-то заказы. Один из самых больших на тот момент — скульптура Ролана Быкова в образе Бармалея. Тогда же, в 1996 году, у меня прошла первая персональная выставка в первой частной галерее в Перми под названием «Амарант». Она находилась в четырёхкомнатной квартире на улице Газеты «Звезда».

Для Натальи Корчёмкиной это была третья персональная выставка: первая была в 1991 году в Пермской художественной галерее, а вторая — в Дании в 1993-м. «Тогда, в галерее «Амарант», я поняла, что мои работы могут нравиться. По сути, именно в 1996 году мы «вылезли из подвала», — осознаёт Инна Рогова.

И всё пошло по нарастающей: выставки в Перми, Екатеринбурге, Кирове, Москве, США, Англии, Испании, Чехии, заказы, поездки, арт-резиденции... Выяснилось, что керамика Инны Роговой и Натальи Корчёмкиной нравится и простым людям, и взыскательным искусствоведам ведущих галерей мира.